

Все уроды. Уж я-то знаю. Я смотрю на людей целыми днями.

Они приходят ко мне с этими своими лицами. Подставляют их. Требуют, чтобы с ними что-то сделали. Чтобы я что-то сделала. Хоть что-нибудь, что угодно. «Ну пожа-а-алуйста», — говорят они.

Так вот, чудес я не творю. Не могу ни заколдовать, ни расколдовать. Что перед собой вижу, с тем и работаю.

А вижу я много чего. Перед собой-то.

Большинство хотят убрать волоски над губой или на подбородке. Хотят, чтобы я расчистила крохотный островок между бровями. Надо же держать центр, как в боксе. Волоски — если, конечно, они есть — убрать с лица проще всего. Дерг — и всё. Конечно, важно, как дергать. И чем. Угол тоже важен. Воск, нитка, пинцет. Смотришь на направление роста волосков и дергаешь.

Лицо выдает всё. Особенно чувства. Мышцы, которые работают чаще других, прорезают на лице борозды. И вот уже твои привычки у всех на виду. Поджатая губа, складка, привыкшая к улыбке или ухмылке, нахмуренный

лоб — если хмуриться слишком часто, печать остается навсегда.

Большинство людей не знают, что для них полезно, а когда думают, что знают, обычно ошибаются. Я слушаю и рассказываю, какие штуки у нас есть. Умывалки, увлажнялки, тоники, сыворотки, эссенции, гели, кремы, масла, маски... Придумываю, как спастись от солнца и справиться с ущербом.

Хотя со словом «ущерб» надо осторожнее. Им нужно уметь пользоваться. Иначе дельный совет может в один момент обернуться обидой. А обид люди не прощают. Особенно если сами же и виноваты.

Потом, когда с лицом покончено — а лица стоят дорого, — мне достаются руки и пальцы ног. Бог знает, где они побывали, но лучше об этом не думать. Чищу, подпиливаю, шлифую, крашу.

Посмотришь на нас — она на кресле, надо мной, я внизу — и подумаешь, что главная тут не я. Только это не так. Мне известно о них всё — даже если они молчат. Когда долго во что-нибудь всматриваешься, начинаешь видеть каждую мелочь. Удивительно: чего только люди не рассказывают, когда считают тебя чужим человеком, которого они никогда больше не встретят!

Я живу в мире сплошных Сьюзен. Я заказала бейджики для всех, кто работает в маникюрном салоне, и на каждом одно и то же имя — Сьюзен. Девчонки постоянно приходят и уходят. Не хочу каждый раз заморачиваться с новыми бейджиками. А еще имя Сьюзен привычное, его легко выговаривать.

Клиентки ничего не замечают. Заходят — мы на месте, работаем. Им больше ничего и не нужно. У нас у всех черные волосы до плеч, черные футболки, черные штаны. И рост, в общем, одинаковый.

Да и в любом случае — клиентка не промахнется, если попросит Сьюзен. Милашка Сьюзен всегда свободна и к вашим услугам! Сьюзен работает без выходных, и у Сьюзен всегда найдется окошечко, если хотите записаться. Сьюзен, наша милашка, наша лапочка Сьюзен, уж как-нибудь выкроит для вас время.

Мы хорошо ладим — я и мои Сьюзен. Как ладят с теми, с кем работают, на кого приходится смотреть каждый день. Предпочитаю держать дистанцию. Не подпускать никого из них слишком близко. Они мне

не семья. Впрочем, от семьи я тоже предпочитаю держаться подальше.

С меня уже хватит.

Ярко освещенная коробка, в которой мы трудимся, так и называется — «Сьюзен». Таких, как мы, по городу полно, а некоторые обосновались буквально по соседству. Но мы лучше всех. Это не гон, я чистую правду говорю. Мы — лучшие. Я впускаю клиентов одного за другим, одного за другим — и мои Сьюзен тоже.

Я тут главная — что хочу, то и делаю. Я умею всё. Прихожу первой, ухожу последней, выходных не беру. У меня четыре девочки — Май, Нок, Энни, и новенькая, Ной, скоро выйдет. Да, имена звучат похоже, но я-то знаю, что́ каждое из них значит на нашем языке, — так что для меня они разные. Трубку снять, записать клиентку — это может любая. Маникюр с педикюром, чистку лица или эпиляцию воском делают только те, у кого есть опыт. И кто-нибудь всегда наготове: один звонок — и она тут.

* * *

В салон много не впихнешь. Пять кресел в ряд вдоль розовой стены: четыре рабочих места и наше сокровище — белое кожаное кресло: оно откидывается и вращается. Кресло в основном для чисток лица, эпиляции воском и нитью, но и маникюр-педикюр в нем тоже можно делать. Обычно мы придерживаем его для тех,

кому нужно всё и сразу. Или просто чтобы человек почувствовал себя особенным. Но вообще сесть можно где угодно — мы подойдем и всё сделаем на месте. Одновременно работать могут не больше трех девочек, каждая со своим клиентом. Лицо, руки, ноги. Если будет больше, я просто упишу из виду, кто что делает и когда.

А я не люблю упускать из виду. Не знать.

Мой день начинается в семь утра. Открываю глаза и точно знаю, что увижу. Потолок. На нем трещина. Похожа на черный волос с раздвоенным кончиком.

Я живу в крохотной квартирке на верхнем этаже, прямо над салоном. Деревянные полы, кухня, санузел, в котором есть и душ, и ванна. Одна комната — но мне больше и не надо. Раньше со мной жили цветы, но я за ними не следила. Так что теперь ничего такого нет.

Я одна, потому что сама так хочу. Если интересно — а там, где я работаю, всем вечно интересно, — я не замужем. И детей нет. Я — семья из одного человека. Так тоже бывает, между прочим. Семья из одного человека. Могло бы сложиться как у всех, но не сложилось. Мне скоро сорок два. Хороший возраст. Больше не за чем особо гнаться.

Середина августа.

Надо бы открыть окно, но не хочу впускать жару с улицы. И так будто у кого-то во рту сидишь. Влажно, тесно и деваться некуда, только вниз. Я ведь и правда люблю свой салон. Не помню, когда в последний раз бывала где-то еще. Я, в общем-то, там и живу — провожу

внизу больше времени, чем у себя в квартирке. Я тут уже лет пять, сама по себе. Цифра солидная, чего уж там. Начинала я в чужом салоне — присматривалась, как люди ведут дела. А до этого у меня была совсем другая жизнь. Я была боксершей. Отец втянул. Он был уверен, что я попаду на Олимпиаду или еще куда. Я так высоко не забралась. Ничего не выиграла.

А однажды сильно покалечила девчонку. Уложила ее в кому на несколько недель. Мой тренер, Мёрч, сказал — ну ты сильна. Но мне такая сила на хрен не сдалась. Кто выходил на ринг, тот не забудет. Воспоминания бьют быстро и без предупреждения. Капля пота на чьем-то лбу, длина чьей-то руки, синяк. Я считываю людей мгновенно — сразу прикидываю, смогу ли их вырубить. Мне всегда вбивали в голову: защищайся, защищайся, — и я до сих пор так и живу. Просто никого к себе не подпускаю. Не скажу, что сильно убиваюсь из-за ухода из бокса. Зачем жалеть о том, что тебя прожевало и выплюнуло? Да и состарилась я для ринга слишком быстро. Потом не знала, куда себя деть, — моталась туда-сюда, перебивалась случайными заработками, жила в маленьких городишках. Но тосковала по большому городу. По трамваю, голубям, вою скорой.

Может, моему старому тренеру стало меня жаль. Увидел, как меня выплюнуло в никуда, и решил помочь. Рассказал про одного парня из зала. Мол, у того есть сестра, держит маникюрный салон, и, если мне нужна работа, она что-нибудь подыщет. Мне тогда было

двадцать пять. Довольно долго я просто сидела на телефоне и выполняла самую простую работу. Жила в одной комнате с кучей девчонок из салона. А потом однажды вечером Рейчел — сестра того парня — сказала: «Ты тут самая старшая. Не знаю, что ты там себе думаешь, но стареть вместе с тобой я не планирую». Я-то себя старой никогда не считала. Чувствовала себя точно такой же, как в первый день. Но я же не видела свое лицо со стороны — а она видела. Как же она на меня смотрела... В общем, я почувствовала, что мне тут больше не рады. После этого разговора она урезала мне смены. Перевела на полставки. А потом вдруг работы для меня не осталось совсем. Двенадцать лет я на нее отпахала — и оттуда меня тоже выплюнуло.

Тогда у меня еще был палец.

Стояла зима, когда я перебралась в этот салон и заселилась наверх. Деревья в парке через дорогу казались перевернутыми. Их корни торчали в разные стороны, и деваться им было некуда. Знакомое чувство. Я увидела эту картину и поняла: это место должно быть моим.

Слышу, как внизу звонит телефон. Значит, сегодня я кому-то нужна.

2

Щелкаю выключателем у входа. Клац. И все оживает. Всё как я оставила. Пять кресел: четыре рабочих места и наше сокровище.

Подхожу к телефону.

Красный огонек мигает. Новое сообщение. Попозже послушаю. Сначала иду к компьютеру — глянуть записи. Кто в списке для меня новый, кто уже у нас бывал. Прикидываю, на что записаны клиенты, что еще могут попросить, когда явятся и удастся ли это втиснуть в график. Компьютер старенький, может сдохнуть в любой момент. Поэтому я держу рядом с ним журнал. Черный, в кожаном переплете, увесистый — в нем хранится все то же, что и в компьютере, только работает он без ничего. Протягиваю руку и похлопываю по обложке — как человека по спине.

Снова смотрю на экран: проверяю, какая из девочек сегодня со мной в зале.

Опытная — или придется бросать свою клиентку и бежать на подмогу? А та, что у меня в кресле, потерпит, подождет? А если девчонка будет копать? А если они

с клиенткой не сойдутся характерами и разосрут — что делать? Она вообще умеет разговаривать с людьми?

Когда я только начинала, Рейчел спросила:

— Как ты насчет детей?

— Не хочу.

— А романы?

— Не завожу.

— Замуж?

— Только этого не хватало.

Она поржала над моими ответами и сказала:

— В нашем деле лучше сразу привыкай слушать про детей, интрижки, любовь, мужей, свадьбы. И делай заинтересованное лицо, когда об этом заходит речь.

— Зачем?

— Они приходят потрепаться. Так, как больше нигде не могут. И возвращаются уж точно не ради ногтей.

— Как ты это выдерживаешь?

— Думаешь, это все херня? Ниже твоего достоинства? Да? Ах ты ж моя говнючка, — ласково отругала меня Рейчел. — Выслушивать все это дерьмо — наша сила.

— Тебя не бесит, что всякий может зайти сюда с улицы и потребовать от нас хер пойми чего?

— Тут как на любой другой работе. Ты сама решаешь, кем для них быть.

Делаю то, что привыкла делать в это время. Звоню Май. Обсуждаем, кто сегодня записан. Ей важно знать такие вещи заранее, чтобы быть наготове. Она даже не здоровается, ничего такого. Берет трубку и сразу выдает:

— Что там у нас? Кого записала на сегодня?

Говорю, что наш бейсболист — ходит к нам тут один питчер — забронировал свое обычное время.

— Кто еще? Ну, не томи!

Говорю ей — никого, только питчер. Один клиент на первый час.

— Не надо делать ему только руки. Почему мы вечно делаем ему только руки? Давай и ноги тоже. Брови выщипаем. Побреем. И запишем его на следующий раз.

Киваю — и тут же вспоминаю, что она меня не видит.

— Ты меня слушаешь? Справишься?

— Да. Справлюсь.

Кажется, я знаю Май целую вечность. Так было всегда. Мы разговариваем. Она что-то рявкает, я принимаю к сведению. Чем-то она напоминает мне Мёрча. Когда я впервые пришла к нему в зал, я была мелкая — он даже прозвал меня «кроха». У него имелись свои любимчики — его парни, его чемпионы.

Только вот никто из них ничего собой не представлял. Им всю жизнь твердили, какие они крутые. Матери,

сестры, родственницы, подружки. В их углу ринга всегда была та, кто это говорил. А стоило замолчать одной — тут же находилась другая.

У меня такого не было.

Мёрч твердил: залезай на ринг и пробуй еще раз, это и делает чемпиона чемпионом. «Я их нюхом чую», — говорил он тогда.

Но теперь у него новая «кроха». Он выкладывает видосики с ней в соцсетях. Лицо мелькает всего пять секунд. Зачем я вообще лезу это смотреть — сама не знаю. Мы уже несколько лет не разговаривали. Как-то тяжело наблюдать, как все это разворачивается в реальном времени. Новенькая, свеженькая, блестящая. Что бы она ни сделала — хоть перчатку надела, — уже готов видосик. Когда я была его «крохой», об этом мало кто знал. Все, что я делала, я делала на ринге.

— Кто еще? — спрашивает Май. — Питчер приведет друга?

— Пока не придут — не узнаем, но он не записан.

— Увидим — запишем.

Я пялюсь в экран и быстро пробегаю глазами список клиентов. Бейсболист, официантка, невеста, у которой будет девичник, — здесь понадобится лишняя девочка — Марла, Джанет (тьфу) и новенькая, Ванесса.

— Думаешь, кто-нибудь заглянет с улицы? — Я слышу, как она улыбается, хоть и не вижу ее лица.

— Всегда кто-нибудь да заглядывает.

— Запускай их и выпускай. Зашел — вышел. Двадцать минут на человека, не больше.

Я молчу.

— Ты меня слушаешь?

— Да тут я.

— И еще новенькая. Которая сегодня выходит. Просто скажи ей, что делать. Скажи, что делать, и она сделает. А не сделает — на следующей неделе возьмем другую. Дай ей пару дней, присмотришь. Просто присмотришь.

На линии тишина, и я понимаю, что разговор окончен. Май нажимает отбой так же внезапно, как отвечает на звонок.

* * *

Я представляю, как новенькая снует по залу. Тихие быстрые шажки, худые плечи. Острый подбородок. Совсем молодая.

Когда я проводила собеседования, приходили девчонки и поопытнее. У этой опыта — ноль. Но она сама в этом призналась. Сразу. В лоб. Сказала, что ей девятнадцать. Только родила. Отец ребенка женат на другой, в их жизни не участвует. Сказала, что просто хочет работать. Сказала, что у нее никого нет. Вот прямо так и сказала. На собеседовании. Тот, кто способен вывалить тебе всю свою биографию в первые пять минут знакомства, явно сможет здесь работать. Этому не научишь. Либо есть, либо нет.

Думаю отпереть дверь, но останавливаюсь.

Не хочу, чтобы кто попало заваливался прямо с утра. Слишком рано. Если кто приходит в такое время — жди проблем. Нет, лучше не отпирать. Открою, когда увижу, что новенькая стоит снаружи.

Посажу ее за стойку регистрации. Отвечать на звонки, принимать сообщения, вести запись клиентов, подносить воду. Она пока не может вкалывать наравне с нами — не знает еще, что к чему.

На улице пробка. Глухая. Машины — крошечные, как леденцы, легковушки на двоих, фургоны, грузовики, здоровенные пикапы, мотоциклы, такси: все прижаты бампер к бамперу. Ровная цепочка по обе стороны улицы. Гудки. Где-то скорая, но далеко. Где ж ей еще быть — ни одна машина ведь не сдала к обочине, не уступила дорогу. Бросаю взгляд на светофор — красный. Светофорно-красный. Неплохое название для оттенка лака, а? В каждой машине — один водитель и больше никого.

Замечаю эту пустоту.

Вижу — чья-то голова поворачивается в мою сторону. Вежливо киваю. В ответ — полный игнор. Отвернулся и устоял вперед, как будто ничего не было. Когда ты смотришь на человека — это уже что-то. Ну кивни ты, махни рукой. Покажи, что заметил. Ладно, не мне осуждать. Сама такой бываю.

А все-таки приятно, когда тебя замечают.

Может, позже вечером мы мелькнем у них в голове — как помехи на экране телевизора. Секундный сбой

в ежедневной программе. Местечко, куда можно заглянуть по дороге с работы или в выходные, пока болтаешься по району. Подарочный сертификат, так сказать. Тема для разговора с друзьями.

На краю бордюра сидит голубь, причем один. Всегда как-то странно, когда видишь одного-единственного голубя. Где остальные? Где-то рядом? Голова у него дергается вперед-назад — как будто он ведет бой с тенью.

Я кормила голубей, когда начала работать в «Сьюзен». Не хочу, чтобы рядом со мной кто-то голодал. А потом заметила белые пятна птичьего дерьма у входа. Задолбаешься отскабливать его с тротуара. Делать мне больше нечего.

Поручу новенькой гонять голубей. Скажу: увидишь — выходи и шугай. Нечего им тусоваться у нашей двери. Паршиво это выглядит.

Вспоминаю про мигающий красный огонек. Проверяю голосовые. Одно. Слушаю. Кто-то тяжело дышит. Больше ничего.

Удаляю сообщение.

Нам такие постоянно приходят. Я и внимания уже не обращаю. Не туда попали, а может, кто-то сел на телефон и случайно набрал номер задницы...

Чувствую чье-то присутствие у двери, поднимаю глаза. А вот и она. Новенькая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru